

О. А. БЕЛОБРОВА

К ИКОНОГРАФИИ МАКСИМА ГРЕКА

В последнее время интерес к Максиму Греку в советской науке неизменно возрастает. Этому способствуют поиски и находки его автографов¹, изучение и выявление новых известий о «судном деле» Максима Грека 1525 г.², наблюдения над составом его сочинений³, исследование его наследия в связи с историей лексикографии⁴ и другие аспекты.

Своеобразным свидетельством распространения на Руси известности Максима Грека еще в конце XVI в. и на протяжении XVII—XVIII вв. являются его изображения. Предпринимавшийся в свое время обзор иконографии Максима Грека⁵ показал, что его изображали в миниатюрах рукописей, на иконах, в фресковых росписях храмов. При этом было отмечено два этапа в сложении его более или менее устойчивого иконографического типа: первый этап — Максим Грек как автор, писатель, ученый монах; второй этап — Максим Грек как преподобный, с нимбом, местно чтимый святой (сначала его почитание связывалось с Троице-Сергиевым монастырем, где он провел последние пять лет жизни (1551—1556 гг.) и был погребен, а позднее распространилось в старообрядческих кругах). Тогда же отмечалось преобладание изображений второго рода и сравнительно небольшое число первых. Миниатюры Максима Грека, как представлялось в то время, сопровождали и украшали только сборники его сочинений.

Привлечение ускользнувших от внимания исследователей некоторых изображений Максима Грека, относящихся к первому, наиболее раннему типу — в виде ученого писца, — позволяет несколько уточнить картину сложения иконографии писателя и оценить, как к нему относились в среде древнерусских книжников.

¹ Ср. Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. — ВВ, XXX, 1969, № 1, стр. 77—82; *его же*. Русский автограф Максима Грека. — «История СССР», 1971, № 3, стр. 153—158.

² Н. А. Казакова. О судном списке Максима Грека. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 25—36; *ее же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ., XXVIII, 1968, стр. 109—126; XXIX, 1969, стр. 108—131; *ее же*. Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI в. Л., 1970; Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максими Греке). — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 129—138; *его же*. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971.

³ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л., 1969; Н. В. Синицына. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека (к постановке вопроса). — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, стр. 259—266.

⁴ Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. (в печати).

⁵ О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 301—310, рис. 1—3 (на вклейках между стр. 304—305).

Прежде всего, оказалось, что условные «портреты» Максима Грека сохранились не только в составе корпуса его сочинений. Например, Азбуковник ГПБ, Q. XVI, 21, переписанный писцом Евстратием в 1613 г., был украшен тогда же (л. 21 об.) изображением пишущего монаха. В зашифрованной подписи под рисунком — «РАТЛИРЬ ЧМЕТЬ» — назван не кто иной, как Максим Грек (его имя передано здесь тайнописью — «простой литореей»). Эта миниатюра ⁶ (рис. 1) значительно отличается от хорошо известных ранних профильных оплечных портретов писателя (возможно, восходивших к его реальному облику), сделанных пером и сохранившихся в трех списках его сочинений Соловецкого собрания (ГПБ, Сол., № 497/516, 494/513 и 496/515) рубежа XVI—XVII вв., а также и в списке ГПБ, ОЛДП, О.176 ⁷.

Миниатюра Азбуковника может быть сближена с двумя более известными изображениями Максима Грека, относящимися также к XVII в.: во-первых, с миниатюрой, сопровождающей сборник сочинений Максима Грека (БАН, Арханг. собр., № 1044., М. Б., № 15, л. 10 об.) ⁸ (рис. 2); во-вторых, с прорисью из Сийского иконописного подлинника (ГПБ, ОЛДП, Ф. 88, л. 493 об.) ⁹, размер которой (11,2 × 12,5 см) указывает на ее назначение, скорее всего, для украшения рукописей (рис. 3). Сходство всех трех заключается в том, что Максим Грек — без нимба — представлен в типе писца, он пишет сидя, в каком-то интерьере. Имеются и отличия: в Азбуковнике писец простоволосый, а в миниатюре списка БАН и в прориси Сийского подлинника он в клобуке; в Азбуковнике он пишет на свитке, держа его на весу, над столом, а в миниатюре и прориси он пишет на листе тетради (книги), на коленях, причем столик с письменными принадлежностями находится в некотором отдалении.

Нельзя не заметить также, что миниатюра БАН и прорись передают изображение писца в зеркальном отражении: в миниатюре БАН он, как и в Азбуковнике, в трехчетвертном повороте вправо, а в прориси — влево. Кроме того, в Азбуковнике передан не только интерьер двусветной сводчатой палаты с тремя окнами, опорными столбами и тяжелой резной мебелью, но и экстерьер, — богатый архитектурный мир, любовно воспроизведенный рисовальщиком в верхней части миниатюры. Здесь выделяется двухъярусная колокольня со сквозными «звонами» для пяти колоколов разной величины, башни разнообразных силуэтов и конструкций; различаются и оконные проемы — круглые, квадратные, узкие, как бойницы, и заваленные, сверху продольные. Наконец, вокруг этого изображения, деликатно выполненного тонким пером, идет черно-белая пышная, также перовая, но значительно более контрастная рамка растительного орнамента старопечатного типа с навершием в центре.

Все три изображения Максима Грека по своему иконографическому типу в сущности восходят к традиции портретов легендарных авторов канонических книг — евангелистов Матфея, Марка, Луки, Иоанна и творца Псалтири — библейского царя Давида. Графическая, почти цели-

⁶ Миниатюра Азбуковника ГПБ, Q. XVI, 21 отмечалась (но не воспроизводилась) в изданиях: *А. В. Пруссак. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделе имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915, стр. 15—16; М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Исследование, тексты, комментарии. Л., 1968, стр. 33, прим. 110. Ср. также: О. А. Белоброва. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, стр. 153, вклейка между стр. 152 и 153.*

⁷ Эти изображения неоднократно публиковались. Из новейших изданий с воспроизведением двух соловецких названий: *А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, стр. 13, 17, рис. 2, 3.*

⁸ Воспроизведена впервые в издании: *О. А. Белоброва. К иконографии Максима Грека, рис. 1 (на вклейке между стр. 304—305).*

⁹ Ср. воспроизведение в изданиях: *Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV. СПб., 1898, рис. 60; его же. Иконография и искусство. СПб., 1900, рис. 221.*

ком контурная манера изображения Максима Грека во всех трех случаях указывает на зависимость от книжной гравюры, получившей в Московской Руси конца XVI и XVII в. значительное распространение. Впрочем, прорись из Сийского иконописного подлинника — конца XVII в., — кроме того, указывает и на знакомство с первыми профильными портретами Максима Грека рубежа XVI—XVII вв. (ср., например, своеобразную форму клобука и характерный подрезник на пуговках, впервые встречающиеся в рисунках Максима Грека из упоминавшихся выше рукописей «Соловецкого собрания»).

Но если гравюры древнерусских старопечатных евангелий с изображением евангелистов отличались известным упрощением по сравнению с многовековой традицией воплощения тех же образов в красочных миниатюрах рукописных книг, то с образом царя Давида дело обстояло иначе. Сравнительная редкость лицевых рукописных Псалтирей и притом преимущественный интерес в лицевых списках не к личности автора, а к иллюстрированию псалмов¹⁰ позволяют считать гравюры из московских печатных изданий Псалтири конца XVI и XVII в. с изображением царя Давида как автора псалмов гораздо более самостоятельным и значительным художественным явлением. Иконография образа царя Давида в московских старопечатных изданиях Псалтири была довольно устойчива¹¹.

Сравнение этих гравированных изображений царя Давида из печатных изданий Псалтири с первыми изображениями Максима Грека как писца (или автора) показывает их определенное иконографическое сходство.

Почему же, для того чтобы создать условный портрет Максима Грека, обратились к образу легендарного автора Псалтири — мудрого царя Давида? Нам кажется, что для этого существовали по крайней мере две причины.

Во-первых, авторитет ученого афонского монаха, его эрудиция, многочисленность его сочинений — слов, посланий — заставляли искать какой-то особо прославившийся мудростью прототип. При весьма ограниченном в древнерусской живописи XVI—XVII вв. выборе образов философов-мудрецов (античные, как известно, изображались в рост, а не за работой писателя) наиболее подходящим мог оказаться сравнительно новый, но уже достаточно широко распространившийся именно к концу XVI в. гравированный образ царя Давида из многочисленных печатных изданий Псалтири¹².

Во-вторых, известно, что Максим Грек в течение своей жизни на Руси (1518—1556) неоднократно обращался к славянскому переводу псалтирного текста, подвергая его обработке и правке¹³. И хотя Максим Грек был осужден и сослан, его имя долгое время спустя связывалось с Псалтирью — одной из самых популярных книг на Руси, служившей, в частности, учебным пособием¹⁴.

Наиболее убедительное доказательство этому находим в сравнительно поздней — конца XVIII в. — рукописной Толковой псалтири из собрания Ярославского гос. историко-художественного и архитектурного музея-

¹⁰ Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 66; его же. О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV—XVI веков с иллюстрациями на полях. — В кн.: «Древнерусское искусство. Искусство возвышающейся Москвы. XIV—XV вв.» М., 1969, стр. 226—257.

¹¹ Ср. А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 32—35; стр. 189, рис. 68; стр. 239, рис. 99 и др.

¹² Ср. А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

¹³ Л. С. Ковтун, Н. В. Синицына, Б. Л. Фонкич. Максим Грек и славянская Псалтирь. Сложение норм русского литературного языка в переводческой практике XVI в. — «Восточнославянские языки. Источники для их изучения» (в печати).

¹⁴ М. Н. Сперанский. Из истории отечественных книг. 1. Гадания по Псалтири. — «Памятники древней письменности и искусства», вып. 129. СПб., 1899, стр. 7—10.

заповедника № 982 (301), в лист, с двумя миниатюрами (рис. 4 и 5)¹⁵. Толковая псалтирь открывается здесь, как обычно, изображением царя Давида (л. 1 об.) (рис. 4), в короне, в лоратных одеждах, соответствующих его высокому положению. Он сидит и пишет в богатой палате с кессонированным куполом и лепниной на стенах, в обрамлении из мраморных колонок и сводов вверху (и внизу!); забавно видеть вольность художника: пол в этой роскошно отделанной палате — дощатый. Через несколько страниц, на л. 8, читатель находит миниатюру, выполненную тем же самым художником, в той же иконографической схеме и теми же приемами, на этот раз — с изображением Максима Грека (рис. 5). Максим Грек пишет в книге гусиным пером. Он облачен в подризник и короткую мантию, на голове его черная камиллавка. Голова окружена нимбом, как и голова царя Давида. В отличие от короткобородого царя Давида, Максим наделен пышной круглой бородой. Окружающая обстановка совпадает в обеих миниатюрах до деталей. Наличие в составе ярославской рукописи дополнительной статьи — предисловия Максима Грека к Псалтири (посвященного великому князю Василию Ивановичу и повествующего о работе над переводом) — как нельзя лучше объясняет, почему здесь изображен не только царь Давид. Таким образом, мы встречаемся уже со второй рукописью, которая не является сводом сочинений Максима Грека, но дает его изображение.

Итак, Максима Грека действительно (а не только предположительно) уподобляли царю Давиду. Впрочем, подобное сходство с пишущим царем Давидом можно усмотреть и в изображении других древнерусских писателей, например Иосифа Волоцкого в списке «Просветителя» (ГПБ, ОЛДП, Q. 771, л. 4 об.) XVII в.¹⁶ Миниатюры начала XVII в., представляющие агиографа Спиридона-Савву и писца Феодорита, скорее восходят к каноничным образам евангелистов, как справедливо отметил их публикатор¹⁷.

По всей вероятности, высокоавторитетный прототип для изображения Максима Грека, столь очевидный на примере Толковой Псалтири конца XVIII в., было не так-то просто привлечь на рубеже XVI—XVII вв., когда имя Максима Грека было еще прочно связано с обвинениями в еретицестве и чуть ли не в шпионаже. Может статься, что применение тайнописи, позволившей зашифровать имя Максима Грека в Азбуковнике 1613 г., — какой-то след вполне понятной осторожности при его изображении, тогда еще совсем новом и необычном, да еще данном вне корпуса его сочинений. Миниатюра Азбуковника расположена перед статьей, озаглавленной «Книга глаголемая содержащая в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах не преложены на русский язык». Хотя в тексте этой статьи Максим Грек не упоминается, понятно, что его изображение помещено здесь не случайно. Оно связано с его переводческой работой, с работой ученого филолога, составителя оригинальных глосс, не безразличного также и к грамматике древнерусского языка.

Таким образом, некоторые ранние условные «портреты» Максима Грека свидетельствуют о том, что его слава — писателя и ученого переводчика — уже в начале XVII в. (меньше, чем через 60 лет после его смерти) позволила древнерусским книжникам уподобить его мудрому и справедливому царю Давиду.

¹⁵ В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — «Краеведческие записки (Ярославский обл. краеведческий музей)», вып. III. Ярославль, 1958, стр. 231 (без воспроизведения миниатюры).

¹⁶ Ср. воспроизведение в кн.: «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, вклейка между стр. 16 и 17.

¹⁷ Н. Ю. Бубнов. Портретное изображение писца в лицевой рукописи начала XVII в. — В кн.: «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, стр. 20—27, рис. 1 и 2.

Вместе с тем многообразие «портретных» изображений Максима Грека показывает, что интерес к его личности не ограничивался уже известными образцами или рекомендациями из «иконописных подлинников»¹⁸. Вот почему наряду с установившимися в рукописной традиции типами изображения писателя можно встретить, например в списке его сочинений XVII в. (ГБЛ, ф. 199, № 79, л. 3 об.) (рис. 6), скромный перовой рисунок, представляющий Максима Грека впрямь, по пояс, в камиллавке, со свитком в левой руке и с благословляющим жестом правой руки, с живым, не отпускающим читателя взглядом¹⁹. Как видим, этот рисунок не связан ни с ранними профильными портретами Максима Грека, ни с образом ученого автора за письмом. Он ближе к иконописным изображениям Максима Грека.

Изображения Максима Грека, уподобленного легендарному автору священных книг, можно встретить не только среди сравнительно ранних условных его портретов, но и в развитой старообрядческой рукописной традиции, наряду с подобным изображением выговских старцев и наставников. В качестве примеров назовем миниатюры из списков сочинений Максима Грека: ГПБ, Собр. ОЛДП, 0.15, нач. XVIII в. в 8-ку, л. 13 об.; БАН, собр. Бурцева, № 25 (I.5, 97), нач. XVIII в., в 4-ку, л. 4 об.²⁰; ГБЛ, ф. 247 (собр. Старообрядческой общины на Рогожском кладбище), № 341, в лист, XIX в., л. 24), а также БАН, Белокриницкое собр., № 41, в лист, 1859 г. (приобретение 1971 г.). Но эти изображения, выполненные в красках, почти потеряли связь с гравюрой, от которой произошли. Они лишь отдаленно напоминают о полных глубокого смысла поисках символического, многозначного и высокоавторитетного прототипа для «портрета» выдающегося писателя и ученого Московской Руси XVI в. — Максима Грека.

¹⁸ Обзор иконографических «норм» для изображения Максима Грека см. О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека, стр. 305—306.

¹⁹ Благодарю Л. С. Ковтун за указание на этот рисунок. В настоящее время неясно, был ли нимб на этом рисунке первоначально или он наведен позднее.

²⁰ Ср. А. Е. Бурцев. Опись старых славянских и новых русских рукописей, т. IV. СПб., 1901, рис. на стр. 64; новое воспроизведение см. в кн.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, стр. 32—33, рис. 7.